

Модуль II. Лекция 15

Тема: Классификация лакун

1. Природа и сущность лингвистических и экстралингвистических лакун
2. Типология лакун
3. Классификация лингвокультурологических лакун

1. Природа и сущность лингвистических и экстралингвистических лакун

Определение и исследование типов лакун наталкивается на немалые трудности, поскольку каждая лакуна уникальна, и отнести ее к тому или иному типу удастся лишь с какими-то упрощениями и оговорками. Типы лакун могут в чем-то отходить от его типичных черт и включать в себя черты других типов. Характеристики, свойственные лакунам одного типа и отличающие их от культур другого типа, выделяются по-разному. Взяв те или иные из них в качестве критерия, лингвисты разрабатывают различные типологии. Существуют варианты типологии лакун, в основе которых лежат географический принцип, особенности религии, языка и т.д.

Общепризнанным считается разделение лакун на лингвистические и экстралингвистические (культурологические). Промежуточное положение занимают лингвокультурологические лакуны. Охарактеризуем каждую из указанных групп данных лакун. Лакуны, выявляемые при сопоставлении языков или единиц внутри языка, называются языковыми, или лингвистическими: они и обнаруживают расхождения (пустоты, бреши, пробелы, провалы) между единицами сопоставляемых языков (межъязыковые лакуны) или единицами (реальными и потенциальными) внутри одного языка (внутриязыковые лакуны).

Обратимся к сущности лингвистических лакун. Обсуждая лакуны, И. В. Томашева утверждает, что «лакуны, встречающиеся при сопоставлении языков, называются языковыми, или лингвистическими, которые, в свою очередь, могут быть лексическими, грамматическими и стилистическими,

полными, частичными или компенсированными». Лингвистические лакуны могут быть интеръязыковыми и интраязыковыми, уникальными и частными, мотивированными и немотивированными, речевыми, эмотивными, коннотативными, нулевыми.

2. Типология лакун

В работах А. Эртельт-Фиит, В.П. Гриценко, Т.Ю. Данильченко проанализированы содержание и сущность мировоззренческих лакун как конституирующих форм лакун в духовной культуре, ментальных лакун как проявлений архетипической несовместимости, различий национальных установок. Т.Ю. Данильченко уточняет содержание понятия религиозных лакун, как разновидности мировоззренческих лакун, обусловленных неразрешимыми для человека противоречиями и непреодолимыми трудностями человеческого бытия. Е. В. Семенова выделяет еще один тип лакун, который соотносится как с языковыми, так и с культурологическими типами: семиотические лакуны, предполагающие понимание знаков и символов.

Наиболее плодотворными в изучении классификации лакун явились лингвокогнитивные исследования отечественных лингвистов. Так, среди исследователей, занимающихся описанием и систематизацией лакун, можно назвать Ю.С. Степанова, В.Л. Муравьева, В.Г. Гака, В.И. Жельвиса, Ю.А. Сорокина, И.А. Стернина, О.А. Огурцову, З.Д. Попову, И.Ю. Марковину, Л.А. Леонову и др., при этом каждый характеризует феномен лакуны по своему, так что тот или иной выявленный и описанный тип лакун непременно связан с именем исследователя. «Именными» являются и существующие попытки систематизации лакун. Самая ранняя и достаточно полная классификация лексических лакун принадлежит В.Л. Муравьеву.

Существует наиболее изученный и довольно подробно описанный в отечественной лингвистике тип межъязыковых (интеръязыковых) лакун (Ю.С. Степанов, В.Л. Муравьев, В.И. Жельвис, В.Г. Гак, А.И. Белов, И.А.

Стернин, З.Д. Попова, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, Л.С. Бархударов, Л.А. Леонова, О.А. Огурцова, А. Лебедева и др.). На материале русско-английских субстантивных лакун А.А. Махониной и М.А. Стерниной разработана классификация, согласно которой все межъязыковые лакуны подразделяются на три большие группы: номинативные, обобщающие и конкретизирующие. Позднее ученые обратились к анализу культурологических лакун, и в целом их выводы находились в русле межкультурной традиции.

Остановимся на основном спектре культурологических лакун. Наиболее известные исследования в этой области принадлежат таким выдающимся ученым, как Ю. А. Сорокин, Г. А. Антипов, Э. Гродзки, А. Эртельт-Фиит и др., внесшим решающий вклад в изучение лакуны. Для них всегда было характерно стремление обращать внимание на детерминирующую роль культуры по отношению к лакуне. Согласно Э. Гродзки, культурологические лакуны есть превосходящая категория для всех других лакун.

Типы культурологических лакун, предложенные Ю. А. Сорокиным, определяются особенностями национальной культуры и делятся на четыре большие группы:

1) субъектные лакуны, отражающие национально-психологические особенности коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурным общностям. В соответствии с составляющими национальной психологии выделяются несколько подгрупп субъектных лакун: характерологические, культурно-эмотивные и карнавальные. Существование характерологических лакун обусловлено специфическими особенностями национального характера носителей различных локальных культур. В результате межкультурного общения в одних культурах складываются определенные стереотипы в отношении других культур. Принято считать, например, что главное в английском национальном

характере – уравновешенность, во французском – страстность, в американском – прагматичность, в немецком – пунктуальность;

2) деятельностьно-коммуникативные лакуны, отражающие национально-культурную специфику различных видов деятельности (кинесика: мимика, жесты, бытовое или повседневное поведение). Следует отметить, что не только вербальное поведение оказывается значимым в этом случае: с помощью мимического знака (или «снятием» такого знака, отсутствием ожидаемого знака) можно также сообщить некоторую специфическую информацию. Согласно представлениям А.Г. Антипова, с которыми были тесно связаны Т.С. Глущенко, В.Д. Нарожная, в понятие «поведение» носителей некоторой культуры включают: кинесику (мимику, жесты), характерную для данной культуры; бытовое (повседневное) поведение, обусловленное традициями, обычаями, укладом жизни, принятыми в данной культуре, а также этикет общения, фрагментом которого является кинесика (кинесические лакуны) и повседневное поведение (рутинные лакуны). Говоря о кинесических лакунах, следует уточнить, что они сигнализируют о специфике жестового и мимического кодов различных культур. Содержание кинесических лакун, на которых строится общение, раскрывается в понимании поведения. Отсюда исследователи (А.Г. Антипов, А. Эртель-Фиит и др.) трактовали данный тип лакун предельно широко, включив в него, по существу, «бытовых» («рутинных») лакун, указывающих на традиционный уклад жизни, привычки, особенности быта, на то, что называют «повседневным поведением» носителей некоторой культуры.

Странным и малопонятным для русских может показаться обычай населения Бангладеш начинать театральные спектакли в полночь. Еще более странным европейцу кажется одно из занятий зрителей, ожидающих начала представления: они чистят друг другу уши специальными лопаточками. У англичан принято пить чай в пять часов вечера, но у других европейских народов такого обычая нет. У бурят наблюдается ежедневное приношение

богу первинок пищи перед едой. Об этой традиции, ссылаясь на У.Ц. Онгорова, Ж.Т. Тумунов писал следующее: «Ни один бурят не будет пить и есть дневного первого кушанья, пока не принесет в жертву бурханам, богам, небесам и духам, как в обыденной жизни, так и при торжественных и свадебных случаях».

Например, когда носитель американской культуры поднимает сжатый кулак на уровень головы и затем разгибает большой палец, указательный и мизинец, передавая значение «I love you» (Я люблю тебя), то русский человек, как правило, не догадывается о значении описанного кинесического поведения, которое может ввести его в заблуждение. Такой жест можно считать лакуной для носителя русской культуры. В первый день Нового года по лунному календарю (по-бур. Сагаалган – национальный праздник бурят) буряты гостят друг у друга, приветствуют друг друга особым образом, а именно методом «золголго», соединяя свои руки от локтей до кисти хадагом (сложенная шелковая ткань белого или голубого цвета длиной около 1 м, символизирующая высший дар бурят).

Исследователи приходят к выводу, что существование различных видов поведенческих лакун и как следствие этого, неприятие или неодобрение чужих норм поведения может создать трудности в общении. В результате между коммуникантами может возникнуть непонимание или у одного из собеседников может сложиться неблагоприятное впечатление о другом; общающиеся могут оказаться в состоянии фрустрации.

3) текстовые лакуны возникают при особой специфике текста как инструмента общения, например, беллетристические, лакуны возникают в текстах художественных произведений, во-первых, из-за «коммуникативной» дистанции между автором и читателем (из-за несовпадения сфер общения автора и читателя); во-вторых, из-за временной дистанции между ними (если автор и читатель не являются современниками). И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин приводят наиболее характерные примеры таких лакун в тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», указав на существование

нескольких групп читателей этого произведения: а) круг близких друзей и знакомых автора; б) круг современников автора (исключая его друзей и знакомых); в) круг читателей-несовременников (сегодняшних читателей). В стихах Словами вещего поэта Сказать и мне позволено: Темира, Дафна и Лилета – Как сон, забыты мной давно «вещим поэтом» назван А. Дельвиг, а процитированы строки из его стихотворения «Фани». Стихи эти во времена А.С. Пушкина опубликованы не были, а поскольку написаны они были в лицее, то для части современников автора намек, сделанный им в романе, оказался недоступен расшифровке, а для другой – узкого круга лицейских друзей понятен до очевидности. Процитированный фрагмент пушкинского текста, по мнению И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина явная лакуна;

4) лакуны культурного пространства указывают на несовпадения в оценках культурного пространства (окружающий мир, уклад жизни, быт, запас знаний, культурный фонд) представителей тех или иных лингвокультурных общностей. Столь же правомерно подходить к анализу лакун культурного пространства (ландшафта) с позиции межкультурного подхода, где они получают еще более широкую трактовку. Суть культурологических лакун выражена в несовпадениях в оценках культурного пространства и интерьера представителями тех или иных лингвокультурных общностей. Было бы верно указать на состав культурного пространства, куда входят окружающий мир, как «видят» его представители той или иной лингвокультурной общности; уклад жизни (быт) представителей этой общности; запас знаний (культурный фонд), которым владеет типичный представитель этой общности, их самооценки и образы самих себя и «чужих». Таким образом, сформировалась идея лакунизации, несовпадения в культурном пространстве, окружающем носителей разных культур.

Необходимо признать, что классификация культурологических лакун Ю.А. Сорокина отражает системную природу лакуны, и может быть представлена как универсальная классификация лакун, которая открывает путь к познанию и объяснению сущности лакуны в ее различных

представлениях. Выводы и утверждения относительно данной классификации научно состоятельны. А. Эртель-Фиит обобщил ее как аксиологические лакуны.

3. Классификация лингвокультурологических лакун

Обобщенный взгляд на типы лакун позволяет описать лакуну как лингвокультурологический феномен, тем самым разработать классификацию лингвокультурологических лакун. Следует иметь в виду, что в научной литературе, посвященной типологии лакун, недостаточно уделяется внимание типологии лингвокультурологических лакун. Методологическим основанием разработки классификации лингвокультурологических лакун явились исследования Ю.А. Сорокина, И.Ю. Марковиной, А.Н. Крюкова, В.Л. Муравьева, А.Г. Антипова, О.А. Донских, которые позволили выявить типы лакун культурной символики. Следует отметить, что в трудах А.Ф. Лосева, В.В. Мантатова углубляются наши представления о лакунах культурной символики. Если А.Ф. Лосев, разработавший проблему символов, выделяет в содержании символа «смысл», который «всегда указывает на нечто иное», то В.В. Мантатов трактует символ как обобщение, выходящее за пределы изображаемого, и создающее бесконечную смысловую перспективу.

Классификация лингвокультурологических лакун основывается на принципах метафоричности и полиморфности и на критерии «внутреннее содержание коннотативности лакун в разных культурах».

1. Выделение лакун цветовой символики обусловлено их функционированием в качестве идентификаторов дихотомии «мы-они», отражая разнообразные межгрупповые, национальные, классовые, партийные и другие отношения. В качестве примеров проявления лакун цветовой символики Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина выделяют боевые цвета индейских племен, войну Алой и Белой Розы, цветовую «палитру» гражданской войны в России. Исследователи приходят к логически обусловленному выводу: «С определенными цветами ассоциируются

практически все крупные перемены в жизни общества» Взяв во внимание обозначенную концепцию, целесообразно заключить следующее: лакуны цветовой символики выделяются в особую группу в силу содержания в цветовой терминологии семантических универсалий. Как замечает К. Хейл, система цветообозначений является примером еще одной универсалии. Универсалией можно считать систему из одиннадцати основных цветов, которая может быть как полно, так и неполно представлена посредством определенных языковых символов в той или иной культуре. К. Хейл утверждает, что цветовая номенклатура характеризуется как пример универсальных феноменов культуры. Например, рассматривая цвет как фундамент культурной деятельности человека посредством природы человеческого зрения, через познание пространства и времени, художественное творчество и язык, М. В. Исаева указывает на неотделимость процессов и событий человеческого бытия от познания цвета. Прежде всего, цвет творит мир вещей, событий и явлений, создавая формы в виде ограничения пространства, поверхности и времени.

Возвращаясь к приведенной выше мысли Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной, важно отметить, что исследуя факты цветовой символики, принятой в различных культурах, они установили основные характеристики лакун цветовой символики: 1) многозначность (одному цвету может приписываться несколько символических значений). Белый цвет в различных культурах (грузинской, киргизской и др.) традиционно воспринимается как символ надежды, добра, чистоты, любви и других близких к ним понятий. Конфронтативно восприятие белого цвета в странах Востока – как символа смерти, цвета траура (в корейской и др. культурах); 2) вариативность. По наблюдениям Г. Д. Гачева, в киргизской культуре черный цвет воспринимается скорее как голубой, белый цвет воспринимается как желтый – цвет огня и солнца; 3) конвенциональные формы существования (использование цвета в различных ситуациях). В качестве примера может служить использование цвета в спортивных состязаниях: красный флажок

означает, что попытка не засчитана, белый – что засчитана. Конвенционально употребление цветовой символики в традиционном искусстве театра стран Востока. Китайскому зрителю достаточно увидеть матово-белое лицо, чтобы понять, что актер играет роль отрицательного героя. Лицо положительного персонажа раскрашивается черной или красной краской; 4. ocasionальные формы существования (конкретная ситуация предопределяет значение некоторого цвета). Цветовая символ желтые книги судьбы имеет лакунизированный характер для представителей той или иной из контактирующих культур. Скрытый семантический компонент словосочетания желтые книги судьбы выделяется в значении «священные (вещие) книги, в которых предначертана судьба человека от рождения до самой смерти, основные события его жизни. Желтый связан с цветом желтой одежды служителей ламаизма. Название книги в дальнейшем повествовании уточняется и именем буддийского божества Майдари (Будды грядущего), противостоящего злым силам в мире. Из примера видно, что в основе лакун цветовой символики лежит влияние религии и традиций народа.

2. Рассмотрим подробнее ocasionальную форму существования **лакуны цветовой и цифровой символики** на следующем примере: Семантика концепта «мэнгэ» (рус. «родинка», отметины природы на теле человека, называемые мэнгэ) в процессах межкультурной коммуникации выражена лакунами цифровой и цветовой символики, которые обладают информативностью и знаковостью. Количество и цвет мэнгэ предопределяют физические и духовные возможности человека: 1. Один белый мэнгэ – чист как материнское молоко; 2. Два черных мэнгэ – удачлив в делах; 3. Три синих мэнгэ – чист телом, языком и душой; 4. Четыре зеленых – умен и талантлив; 5. Пять желтых – наделен пятью дарованиями; 6. Шесть белых мэнгэ – щедрый, властолюбивый, целеустремленный, широкой души, терпящий невзгоды; 7. Семь красных мэнгэ – страстный, горячий как огонь; 8. Восемь белых – чистая белая душа; 9. Девять красных мэнгэ – благословенный как солнце. Как видно, цифровая и цветовая символика

наделяют особыми характеристиками. Культурный смысл лакуны мэнгэ кодирован для представителей другой культуры и представляет лакуну в процессах межкультурной коммуникации: девять «родимых пятен» мэнгэ – это не настоящие родимые пятна, имеющиеся на теле человека, а некие космические символы, под знаком которых человек рождается и под покровительством которых живет всю жизнь. По утверждению зурхайчинов (астрологов), люди, родившиеся в один год, имеют одинаковый по количеству и цвету набор мэнгэ, так как они во внутриутробном развитии занимали одно и то же местоположение (координаты) в мировом пространстве.

Следует иметь в виду, что лакуна культурной символики существует в силу особенностей религии. Лакуна культурной символики рассматривалась преимущественно А. Г. Антиповым, О. А. Донских и др. как часть лакун культурного фонда.

3. Приведем несколько примеров лакун анималистской символики, затрудняющих общение той или иной из контактирующих культур в процессах межкультурной коммуникации. Во вьетнамской культуре изображение тигра рассматривается как знак пожелания добра. В африканском народном танце маски танцоров – изображения животных – символизируют определенные человеческие качества: обезьяна – тщеславие, страус – гибкость ума и проницательность, жираф – элегантность, буйвол – храбрость. В японском фольклоре лиса наделяется волшебной силой, она может быть оборотнем и напускать злые чары. Образ воздушного коня у бурят хийморин рассматривается как сакральный образ в бурятской культуре – конь (хий морин), наполненный экзистенциальной и этической содержательностью. Этот образ являет древний порядок понимания законов жизни как одного из нравственных законов бытия. Образ хий-морин (воздушный конь) в канонах буддизма – это указующий и направляющий знак, обряд его вывешивания был связан с понятиями благополучия, счастья человека, гармонии с миром. При изображении образа хий-морин

традиционно выделяют две стороны жизни – верх и низ. Первая картина – неземная жизнь, где наряду с солнцем, луной и звездами существует хии-морин, вторая сторона связана с понятиями беды, отчаянья – это жизнь человека с его ошибками и необдуманными поступками. Вот тогда и возникает семантический коррелят земного скакуна – ветер-конь как возможность человеческого спасения. В минуты отчаянья, осознания своей беспомощности человек видит свое спасение в хии-морин. Для представителей русской культуры многие из таких символов образуют лакуну в процессах межкультурной коммуникации в силу своей мифо-культурологической значимости. Семантика анималистского символа декодирована спецификой деятельности и поведения той или иной лингвокультурной общности.

Сакральный смысл символа «табан хушуун мал» (пять видов домашних животных) в бурятском лингвокультурном пространстве состоит в том, что они выражают основные убеждения и принципы бурятского народа, и которые до определенного времени участвовали, по мнению Н. П. Дондовой, в формировании у новых поколений жизненных целей и установок. Конь является неотъемлемой частью жизни бурят, так как в кочевом образе жизни дорога была неотъемлемой частью их уклада, поэтому конь представлялся равнозначным воздуху или огню: морин эрдэни (конь – драгоценность). Анималистская символика «табан хушуун мал» ассоциируется с обучением, воспитанием, быстротой, темпераментом. Зоонимы «конь», «корова», «коза», «верблюды», «баран» ассоциируются в этническом сознании с достатком, медлительным нравом, трудолюбием, самодостаточностью, самомнением. Семантика данной символики кодирована для другой культуры в силу непрозрачной мотивации метафоры, тем самым актуализирует лакуну в процессах межкультурной коммуникации.

4. С нашей точки зрения к лингвокультурологическим лакунам относятся **лакуны вегетативной символики**. Карагана, подснежник, сагандали в бурятской культуре имеют значимость внутреннего содержания этих

образов. Образы трав способны расширить и обогатить эстетику степного мира с идеей корней, которая соединяется в художественном сознании с понятием происхождения человека. Символ березы в культуре бурят является способом соединения миров, времен, пространства и Духа. Береза в качестве коновязи, сакрализующей центр и устойчивость в мире выступает символом укоренения. Береза ассоциируется с первородным единством человека с природой. В этих скрытых культурных смыслах лакуны вегетативной символики нередко приводят к непониманию, возникающему при взаимодействии с представителями различных культур.

5. Лакуны символики запаха. Для концепта запах характерны различные оппозиции: жизни и смерти, своего – чужого, невинности – греха. Все оппозиции содержат позитивные и негативные ряды противопоставлений и формируют систему ценностей народа. Реализацией данных оппозиций служат обонятельные слова, передающие оценочные смыслы «положительный-отрицательный». Первая половина оппозиций (жизнь, свое, невинность) ассоциируется у человека с приятными запахами, вторая – с неприятными и даже зловещими. Отсюда ассоциативно-оценочный компонент запаха различен у разных народов.

В категории запах выделяется субкатегория, которую составляют представители растительного и животного миров: цветочный запах, животный аромат, «лесные» запахи, запах человеческого тела, благовония. Благовоние хужэ в бурятской культуре, в состав которого входит природное сырье – рододендрон адамса (сагаан дали), кора лиственницы, ветки пихты, кедр, которое затем замешивается вместе с освященной водой (аршаном) служит как религиозный атрибут в процессе буддийских ритуалов и молебнов. В процессах межкультурной коммуникации приобретает метафоричность, лакунизированный характер для представителей той или иной культуры в силу своей сакральности. «Расшифровка» запаха регулируется культурными установками: смысл благовония заключается в очищении людей, помещения, от скверных мыслей и энергетики и в

результате человек ощущает успокоение души, благое расположение мыслей, и приятное настроение. Следует отметить, что символическую параллель благовония можно обнаружить как в восточной, так и в западной традициях.

Резюмируя сказанное, отметим, что ассоциативно-метафорическая связь наиболее полно раскрывает многогранную семантику запаха. Ассоциации, вызываемые запахом, сопряжены с осмыслением запаха в разных культурах. Лакуна возникает в ассоциативно-оценочном слое концепта запах.

Таким образом, развивая идеи о лакунизированном характере лакун культурной символики, можно утверждать, что они выявляют скрытые смыслы и выступают в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определенных ассоциативных значений, внеязыковых ассоциаций, основанных на исторических, философских, мифо-культурологических и прочих знаниях носителей языка о явлении. В процессах межкультурной коммуникации лакуны культурной символики проявляются в культурных различиях.

Исходя из суждений вышеназванных ученых и приведенных примеров, мы приходим к положению о полиморфном и метафоричном характере лакун культурной символики. Лингвокультурологические лакуны, связанные с этнической и социальной историей бурятского народа, выступают в качестве сигналов специфики бурятской культуры, не только создающих национальный колорит текста, но и затрудняющих понимание текста реципиентами другой культуры.

Подводя итог рассматриваемой проблеме, подчеркнем, что анализ классификаций лакун (межъязыковых – Ю.С. Степанов, В.Л. Муравьев, В.И. Жельвис, В.Г. Гак, А.И. Белов, И.А. Стернин, З.Д. Попова, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, Л.С. Бархударов, Л.А. Леонова, О.А. Огурцова, А. Лебедева, М.А. Стернина, А.А. Махонина; культурологических – Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Эртельт-Фиит и др.; лексических – В. Л. Муравьев и др., мировоззренческих – А. Эртельт-Фиит, В.П. Гриценко, Т.Ю.

Данильченко, семиотических – Е. В. Семенова, эмотивных – В.И. Шаховский, И.В. Томашева, ассоциативных – А.О. Иванов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др., этнографических – В.Л. Муравьев, лингвокультурологических – Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина и др.) показал, что лакуны делятся на лингвистические и экстралингвистические (культурологические). Лингвокультурологические лакуны занимают промежуточное положение между этими лакунами. Развиваемая нами лингвокультурная концепция изучения лакуны базируется на синтезе классификаций лакун и тем самым способствует разработке собственно лингвокультурологических лакун. В основу классификации лингвокультурологических лакун лежат принципы полиморфности и метафоричности, критерий внутреннего содержания коннотативности лакун. Лингвокультурологические лакуны делятся на лакуны культурной символики: лакуны цветовой символики, цифровой символики, анималистской символики, вегетативной символики, символики запаха. Из всех рассмотренных нами классификаций лакун видно, что лакуна этнически обусловлена, обладает культурно-национальной спецификой.

Вопросы для обсуждения:

1. Раскройте содержание межязыковых лакун
2. Приведите основные характеристики лексических лакун, опираясь на труды В.Л. Муравьева
3. Проанализируйте сущность и содержание мировоззренческих лакун на основе конкретных примеров из жизни
4. Как соотносятся характерологические лакуны и стереотипы? Обоснуйте свой ответ
5. По какому основанию вводится классификация лингвокультурологических лакун?
6. Приведите типологию лакун Ю.А. Сорокина. Дайте характеристику каждому типу лакун
7. Вспомните высказывания Е.В. Семеновой о семиотической лакуне. Существуют ли другие типы лакун? Какие типы лакун можно выделить?

Рекомендуемая литература

1. Быкова Г.В. Феноменология лексической лакунарности. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. – 170 с.
2. Данильченко Т.Ю. Лакуны, их признаки и типология // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2010. №1 (35). С.12-16.
3. Данильченко Т.Ю. Лакуны: философский и теоретико-культурный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2010. 48 с.
4. Дашидоржиева Б.В. Введение в лакунологию. – Уклан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 112с
5. Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А.Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. – Вып. 2. – 111с.
6. Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А.Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. – Вып. 3. – 210с.
7. Марковина И.Ю. Прагматические аспекты лакунологии. Теория лакун в исследовании проблем межкультурного общения // Вопросы психолингвистики. 2009. №3. С. 34-41.
8. Марковина И.Ю., Сорокин, Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 144 с.
9. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун. Владимир. – 1980. – 104 с.
10. Эртельт-Фиит А., Денисова-Шмидт Е. Лакуны и их классификационная сетка // Вопросы психолингвистики. - М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. № 3. С. 39-51.